

и обрело жизнь в церквах. Амвросий, Киприан***, Августин не претендовали на то, чтобы вести народ к общему благу земного града, но разве не были

135 5. Латинская патриотическая культура

вождями бесчисленного народа Града небесного в его странствии к Богу?

В трактате «О христианском учении» (II, -xQ 59) есть фрагмент, который сразу же ока-а-и и притом надолго, воздействие на ученое сообщество. Напомнив, что ряд авторов уже выяснил этимологию всех собственных имен, встречающихся в Библии, а Евсевий осветил все относящиеся к ней исторические проблемы, Августин задается вопросом, почему бы не собрать в одном произведении все знания, необходимые для ее толкования. Какая это была бы экономия труда будущих христиан! Там они могли бы легко найти расклассифицированную информацию о малоизвестных местностях, животных, растениях и металлах, упоминаемых в Библии. Было бы полезно добавить к этому пояснения относительно встречающихся в Писании чисел, а также, возможно, диалектику (*de ratione disputandi**), хотя Августин не считал это выполнимым, ибо диалектика пронизывает все Писание, как нервная система — тело. Как мы уже говорили, призыв Августина был услышан. Приспособить произведения Варрона к нуждам христиан стремились после Исидора Севильского Беда Достопочтенный**, Рабан (Храбан) Мавр*** и многие другие после них.

Тип культуры, завещанной средневековой латинскими отцами, можно определить как своего рода *eloquentia Christiana*, то есть красноречие, понимаемое в смысле, изложенном Цицероном, но такое, в котором на место мудрости философов была поставлена христианская Мудрость. Мы увидим, что именно она господствовала до середины XIII века как почти непрерывная традиция. Если перерывы случались, то исключительно по причине неожиданного вторжения метафизики греческого происхождения. Тогда вновь происходил оплаканный Цицероном разлад между философией и красноречием, но эти происшествия местного значения не помешали сохранению интеллектуаль-

ных традиций Западной Римской империи, которые передавались от школы к школе, от монастыря к монастырю, пока не разразился великий кризис XIII столетия, когда можно было подумать, что наступил момент ее полного угасания. «Латинская патрология» Миня (Migne), даже взятая как чисто материальный памятник, является мощным выражением этого исторического факта. С полным основанием она без единого перерыва отражает патриотические произведения от начала II и до конца XII века и с не меньшим основанием на этом останавливается. Возможно, следовало пойти чуть дальше, включить сочинения «О Вселенной» («*De Universo*») Гильома (Гийома) Оверньского, «Гексамерон» Роберта Гроссетеста и некоторые другие произведения того же рода; но тогда возникнет вопрос: прекратилась ли когда-нибудь вообще патристическая традиция, не продолжалась ли она и далее, даже когда казалась исчезнувшей среди множества схоластических теологии нового типа, чем характеризуется XIII век? При этом ставится под сомнение вся интерпретация истории христианской культуры средних веков. В середине VII столетия абсолютно ничто не предвещало возможность возникновения такого рода проблемы. Верно, латинская традиция тогда, казалось бы, подходила к концу; она распалась вместе с Империей; но мы увидим, что она была пересажена на целинные земли иных культур и пустила там новые корни, чтобы принести потом новые цветы и новые плоды.

ЛИТЕРАТУРА